

В сознании даже не промелькнуло ни малейшего колебания, он забрал этого страшного ребёнка с собой.

— Кажется, плохо видно... Этот ребёнок, наверное, немного смуглый? — Когда дедушка дрожащим голосом произнёс эти слова, Цзи Хуань впервые порадовался, что старик сейчас ничего не видит.

— М-да, немного смуглый, — невозмутимо ответил Цзи Хуань.

— Смуглость — не беда. Твоя сестра тоже родилась смуглой, потом постепенно побелела. Нужно много молока пить. Кстати, ты купил ему молока? Ах, нет! Сейчас все дети сухое молоко пьют. Говорят, у многих отечественных марок с сухим молоком проблемы, нужно импортное покупать... — Неизвестно, сколько времени старик уже боролся с печальной вестью о смерти внучки. Возможно, его глаза ослепли от слёз, когда он узнал эту ужасную новость. И сейчас ребёнок, которого принёс Цзи Хуань, стал для старика единственным утешением. Словно соломинка, появившаяся перед утопающим, старик с нетерпением, но крайне осторожно потянулся, чтобы потрогать детское личико.

Грубый, покрытый морщинами палец медленно приблизился, как вдруг из пелёнок высунулась чёрная лапка, и дедушкин указательный палец мгновенно оказался схвачен.

Эта лапка была настоящей «лапой». Хотя в ней с трудом можно было разглядеть пять пальцев, на них были острые коготки, и она никак не походила на ручку человеческого младенца. Она выглядела так, будто принадлежала монстру из страшных сказок!

И всё же именно эта ужасная маленькая лапка заставила схваченного дедушку рассмеяться.

В уголках глаз залегла глубокая сетка морщин, дедушка смеялся очень искренне.

— Какой сильный ребёнок, — старик смеялся, пока слёзы не выступили на глазах.

Увидев дедушкину улыбку, Цзи Хуань на мгновение замер, а затем тоже улыбнулся. Наклонившись, он незаметно схватил ту чёрную лапку, своевременно остановив попытки малыша высунуть когти. Цзи Хуань решительно затолкал маленькую ручку обратно в пелёнки, а затем обмотал конверт шарфом ещё пару раз. Теперь, какими бы ни были попытки малыша внутри, его острые коготки уже не могли выбраться наружу.

Да, этот ребёнок родился уже с ногтями. И не просто с ногтями, а очень острыми. Несколько раз, когда Цзи Хуань кормил его, те коготки царапали его. Не желая, чтобы дедушка пострадал, Цзи Хуань выбрал путь обездвиживания младенца.

— На улице холодно, у него ручки замёрзли, — чтобы не привлекать внимание дедушки, Цзи Хуань нашёл вполне разумную отговорку.

— Ах! Точно! На улице так холодно, нельзя, чтобы ребёнок замёрз. Я сейчас включу обогреватель. Кстати, нужно ещё горячую воду вскипятить. Этому малышу, наверное, нужно сухое молоко? И Цветочек наверняка ещё не ел... — бормоча себе под нос, дедушка поспешно повернулся, одной рукой украдкой вытирая мутные слёзы в уголках глаз, и сразу направился на кухню.

Цзи Хуань быстро остановил его.

Убедившись, что младенец в пелёнках надёжно обездвижен шарфом, Цзи Хуань положил

свёрток в руки дедушки, поднял с вешалки дедушкин фартук, закатал рукава и прошёл на заднюю кухню.

Помыл овощи, нарезал, зажёл огонь, разогрел сковороду, налил масла.

Действия Цзи Хуаня были не слишком быстрыми. Раньше дедушка не позволял ему готовить.

Но он часто помогал на кухне, насмотрелся, и последовательность приготовления отложилась в памяти. Пока масло разогревалось, Цзи Хуань вскипятил ещё и чайник воды. К тому моменту, как два блюда были выложены на тарелки, вода тоже закипела.

Поставив на стол две тарелки с едой и горячий рис, Цзи Хуань наложил ещё три порции и поставил перед домашним алтарём. На этот раз Цзи Хуань приготовил благовония на троих, подумал и добавил ещё одну порцию.

Раньше пустая и холодная центральная комната наполнилась ароматом сандала и еды, мгновенно став уютнее.

Затем, смешав кипяток с подготовленной дедушкой заранее охлаждённой кипячёной водой, Цзи Хуань открыл дорожную сумку, которую взял с собой, уезжая. Раньше она была заполнена лишь на треть, но теперь была полна до отказа, битком набитая детскими вещами.

Достал оттуда открытую банку сухого молока, Цзи Хуань внимательно, следуя инструкции по кормлению на этикетке, развёл порцию.

Сделав это, Цзи Хуань взял бутылочку и направился к обеденному столу.

Под тускло горящей подвесной лампой дедушка по-прежнему сидел за столом в той же позе. Пока не пришёл Цзи Хуань, он не хотел начинать есть. Старик мягко покачивал на руках маленький свёрток, и морщины на его лице казались безмятежными и умиротворёнными.

Там, где старик не мог видеть, младенец у него на руках не моргая смотрел на его лицо. Два белых круга пристально и неподвижно были направлены в сторону старика, что выглядело крайне жутко.

— Дедуля, пора есть. Дай мне ребёнка, ему пора кушать, — без каких-либо интонаций в голосе юноша взял из дедушкиных рук маленький свёрток и сел напротив старика.

Два белых круга переключились на него.

Беспристрастно глядя на ребёнка на руках, немного повидевшись с ним глазами, Цзи Хуань взял бутылочку и ловко поднёс её к тому месту на теле малыша, где предположительно должен был быть рот. Увидев, что уровень молока в бутылочке постепенно снижается, и поняв, что тот начал пить, Цзи Хуань перестал на него смотреть. Держа свёрток в левой руке, правой он взял пару палочек и положил дедушке в чашку немного капусты.

— Дедуля, попробуй, что я приготовил.

В тот вечер дедушка снова пересказал Цзи Хуаню то, что ему говорил человек, привёзший прах сестры. Слова старика мало чем отличались от того, что сообщали в новостях. Выслушав, Цзи Хуань долго молчал.

— Цветочек, о чём ты думаешь? — Заметив, что внук давно не произносил ни слова, старик

поспешил добавить.

Цзи Хуань с детства был очень замкнутым ребёнком, с малым количеством эмоций на лице. Но в голове у него всегда было много идей, да и упрямство ему было не занимать. Вдруг за это время он принял какое-нибудь неподобающее решение — вот чего боялся старик, потому и заговорил в спешке. — Только не вздумай думать о мести за сестру или чего такого. Сяо Хэй не нуждается в том, чтобы ты мстил за неё, все негодяи уже мертвы.

Цзи Хуань продолжал молчать.

Да, все негодяи мертвы. Непосредственные участники того происшествия погибли на месте в морге, а косвенных участников полиция арестовала, и теперь их ждёт долгая тюремная жизнь, хуже смерти.

Мсть за сестру уже совершена.

Так было с самого детства.

Сяо Хэй всегда была очень решительной: добро возвращала добром, зло — злом. Такие истории, как «сёстры обидели, а братья с дубинами бросились мстить», всегда происходили в других семьях. За Сяо Хэй ему никогда не приходилось волноваться.

Даже после смерти ему не пришлось за неё волноваться.

Цзи Хуань поджал губы.

— Кто сказал, что у Сяо Хэй дальше не будет к тебе дел? Теперь тебе нужно позаботиться о ребёнке Сяо Хэй, вырастить его вместо сестры. Я не знаю, сколько ещё проживу, этому ребёнку в будущем в основном придётся полагаться на тебя... — Даже будучи слепым, старик оставался человеком, который знал Цзи Хуаня лучше всех, и он тут же продолжил.

— Угу, — угрюмо согласился Цзи Хуань.

— Дедуля, ты проживёшь сто лет, мы вместе будем смотреть, как ребёнок растёт, — тут же добавил он, голос по-прежнему был угрюмым.

И в конце концов...

— Дедуля, я всё-таки не пойду в университет, — под конец он снова вернулся к старой теме.

— Нельзя, обязательно нужно идти. Умная голова, как у меня, и вдруг разговоры о том, чтобы не учиться? Ты не стыдишься хороших мозгов, которые дедуля тебе передал? Чтобы вы с Сяо Хэй были умнее, я зимой в реке рыбу для вас ловил, ты не стыдишься той рыбы, что съел? — Лучше бы он не начинал, как только он заговорил об этом, старик тоже принялся вспоминать старые счёты.

Пока они препирались, два белых круглых глаза «младенца» на руках у Цзи Хуаня неподвижно и пристально переводились с лица одного на лицо другого. До тех пор, пока дед и внук наконец не прекратили спор.

Опёршись о стол, старик поднялся и повернул назад. Хотя он почти не видел, но в конце концов это был старый дом, в котором он прожил десятки лет, и он прекрасно помнил, где что лежит. Старик хотел добраться до домашнего алтаря, который находился недалеко позади

него. В доме Цзи Хуаня над алтарём находилось место для табличек предков, а внизу был комод с пятью ящиками. Старик нашупал комод, затем медленно присел, открыл самый нижний ящик и долго в нём рылся, пока наконец не вытащил свёрток, завернутый в маленький носовой платок. Медленно поднявшись, он протянул его Цзи Хуаню.

— Я знаю, что дело не в том, что ты не любишь учиться, а в том, что беспокоишься, что дома нет денег, верно? — Дедуля смотрел на него, взгляд был немного расфокусирован, но в глазах по-прежнему светилась обычная любовь. — В детстве Цветочек часто говорил дедуле, что когда вырастет, обязательно поступит в Университет Цзинхуа!

<http://bllate.org/book/15401/1371780>